

Моск. правда - 2002 - 30 июля - Восхождение с.б

Проездом из Петербурга в Штутгарт показал в галерее «Ultima Thule» выставку своих старых и новых работ петербургский художник Ярослав Сухов.

В московском Музее В. Тропинина и художников его круга висит портрет его предка - каменотеса Самсона Суханова, правой руки великого русского архитектора А. Воронихина. Сухановская артель внесла немалый вклад в красоту северной столицы. Александрийский столп на Дворцовой площади, колоннады Казанского и Исаакиевского соборов - их работа.

Ярослав очень похож на предка - бородой, степенным разговором, неторопливостью жестов. И также неистов в труде. Только его орудие - кисть и краски. Поначалу живописью он занимался просто для удовольствия, в свободное время. Закончил физический факультет Ленинградского университета, стал аспирантом, считался подающим надежды ученым в модной и перспективной отрасли - лазерной спектрографии. И вдруг бросил науку, предпочтя неустойчивую жизнь свободного художника.

Живописи Ярослав специально нигде не учился. Его классами были залы Эрмитажа и Русского музея, учителями - старые мастера: Рубенс, Арчимбольдо, Александр Иванов и классики XX века - Магритт, Дали, Эрнст. Его волновала тема экологической катастрофы - в далеких сегодня 80-х он писал то, что сегодня становится явью. Знаток литературы, он использовал поэтические метафоры, воспроизводя их буквально, как это делали средневековые мастера, что придавало его работам фантазмагоричность. Созданный им на полотнах мир был странным, противоестественным.

Там шли проливные дожди, а земля трескалась от жажды, порождая чудовищные овощемутанты, в лес по грибы люди шли в противогазах и противорадиационных накидках. Дома в городе задыхались, разевая окна-рты в мольбе о глотке чистого воздуха. У любителей прекрасного буквально шок вызвала его жестокая до цинизма картина «Чао!» (1986), представившая леонардовскую Мону Лизу

в виде безобразной, выжившей из ума старухи - символ нашей одряхлевшей, выродившейся машинно-ядерной цивилизации, зашедшей в безысходный тупик...

Шли годы. Глубже, строже становилось творчество Ярослава Сухова. От злой сатиры, от поверхностного анализа он все чаще уходит к поискам глубин-

са, бродячего проповедника, мудрого, усталого человека. «Поцелуй Иуды» (1988), как ядовитая кислота, прожигает одежду преданного. А высочайшие горы - Гималаи - оказываются лишь подножием колоссального распятия, у которого теснятся крохотные человечки, ставшие здесь лагерем («Восхождение», 1990)...

В 1994 году бургомистр немецкого города Штутгарта мужественно пригласил в гости - впервые в истории города - русского художника Ярослава Сухова. 27 его полотен были выставлены в интерьере церкви XII века.

В следующем году была еще одна выставка - в Вольфеге, в Евангельском центре. Для немцев это было откровение - творчество нового поколения русских художников, глубочайшая его духовность, да и просто религиозная тематика. Были споры, дискуссии о реализме. Особенно поразили немецких коллег и искусствоведов натюрморты питерского мастера.

К иллюзорным трем измерениям Ярослав добавляет четвертое - «ось времени», давая изображаемое «в развитии». Если цветок, то в трех изображениях - бутон, цветение, гибель. Если хлеб - то опять же: буханка, отрезанные ломти, свежий и заплесневелый. Но каждый натюрморт имеет еще и символический смысл. Те же заплесневелые ломти («Хлеб да соль», 1991) - отделившиеся от Союза республики, а сам Союз - буханка с вонзившимся в нее ножом. Рассыпанная соль - ссора, свар, распад семьи народов. Жесток и другой натюрморт - «Виват, Санкт-Петербург!» (1991) - пародия на Евангелию: корявая, засохшая буханка на шикарном фарфоровом блюде с царским вензелем, недопитое вино, хребет обглоданной селедки (Рыба - «ихтюр» - раннехристианский символ Спасителя; в знаменитом некогда грузинском фильме «Покаяние» был сходный по смыслу эпизод: палач с закрытым лицом - видны только жадные хищные руки - потрошит и поедает плоть Рыбы...

ной сущности явлений. И, ища ответа на вечные вопросы - кто мы? откуда мы? куда идем - обращается к мудрости древних, к великой мифологии христианства, заимствуя оттуда сюжеты и образы, как художники, поэты, композиторы разных эпох. Но делает это по-своему.

Много раз писано «Моление о чаше»: Иисус просит Отца своего пронести мимо чашу страданий, которую ему уготовано испытать. Ярослав рисует ее буквально: она переливается зловещим кровавым светом в руках Иису-

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимках: «Восхождение», 1990, «Поцелуй Иуды», 1988.